

в процессе потребления освобождаются от любых связей с теми или иными статусными группами. *Гиперрационализация* предполагает использование сложнейших технологий при индивидуальном способе распространения и потребления элементов культуры членами общества. *Гипердифференциация* приводит к дедифференциации, при которой различия между типами культуры вовсе размываются. Каждый из названных процессов является продолжением предыдущего этапа развития, усиливая процессы, характерные для эпохи модернизма, что обуславливает появление нового типа культуры — посткультуры.

Британский социолог Доминик Стринэйти предложил выделять пять основных черт постмодернизма: 1) разрушение границ между культурой и средствами передачи информации на фоне формирования «медианасыщенного общества»; 2) преобладание авторитета внешних характеристик и стилей над содержанием, сущностью и значением элементов культуры; 3) массовое потребление не самих элементов культуры, а их иерархически упорядоченных и целенаправленно сконструированных образов, которым в массовом сознании «приписаны» свойства быть статусными; 4) нарушение границ между искусством и популярной культурой; 5) развитие беспорядка в восприятии людьми пространства и времени как следствие временного ускорения передачи сообщений и увеличения дистанций территориальных перемещений; 6) упадок метанарративов — веры людей в любые абсолютные истины или великие идеи о мироустройстве [2].

Представленный анализ идей австралийских социологов и британского исследователя служит ярким свидетельством незавершенности научной дискуссии относительно того, как следует воспринимать взаимосвязь модернизма и постмодернизма на нынешнем этапе развития человеческого общества. Остается открытым вопрос о том, какие трансформации и свойства социума призваны отразить широко используемые понятия «модернизм» и «постмодернизм» — смену этапов или логики развития.

Литература

1. *Crook, S.* Postmodernization: Changes in Advanced Society / S. Crook, J. Pakulski, M. Waters. — London, 1992.

2. *Strinati, D.* An Introduction to Theories of Popular Culture / D. Strinati. — London, 1995.

*О.В. Рыжанкова, канд. экон. наук, доцент
БГЭУ (Минск)*

КОНВЕРГЕНЦИЯ КООРДИНАТ РЫНКА И ДЕЛОВЫХ КУЛЬТУР

Взаимодействия в социально-экономических контекстах, к которым относится международный бизнес, в значительной степени лока-

лизованы между индивидами и прежде всего представляют собой межличностное общение. Вполне естественно, что возникают нормы, запрещающие либо требующие от каждого отдельного человека определенных действий. Соблюдение данных норм должно находиться под контролем, ибо они упорядочивают социальные взаимозависимости.

Вместе с тем данный подход, приемлемый для социологов, культурологов, антропологов, довольно скептически воспринимается экономистами. Из постулата о свободном выборе экономисты делают вывод о преобладающем значении рыночной координации. Если словари по социологии, культурологии и этике содержат такие понятия, как «ценности», «структура», «функция», «принуждение» и т.п., то словарь экономиста — «эффективность», «оптимизация», «выбор», «равновесие» и др.

Получается, что, если с точки зрения социальных наук человек не может действовать иначе, то с позиций экономиста человек не хочет действовать иначе. Однако реальный человек занимается чем-то еще, кроме эгоцентрического сравнения альтернатив. Даже в простейшем случае обмена перед ним встает не одна, а две проблемы: 1) соотношение обмениваемых товаров; 2) нужно ли вообще совершать обмен. Проблема вторая по сути первична, и каждым из партнеров движут смешанные мотивы. При этом различная величина упущенной выгоды в случае срыва сделки, способ ведения переговоров играют определяющую роль в установлении менового соотношения (т.е. в действительном достижении оптимальной по Парето договоренности) и тем самым в решении второй проблемы — распределении возможных выгод от сделки. Это означает, что людям не безразлично, с кем они имеют дело, и им нужно обладать способностью и желанием сотрудничать, чтобы договориться с другими людьми.

Приходится констатировать, что традиционно рассматриваемый экономистами «человек экономический» — это индивид, разучившийся общаться с другими людьми и живущий исключительно ради максимально возможного удовлетворения своих имеющихся в данный момент потребностей. Однако если допустить, что люди предпочитают договариваться и сохранять длительные отношения, то следует признать необходимость формирования надежной системы ориентиров, некоего порядка, который прежде всего будет защищать то, чему невозможно или трудно найти замену: собственную жизнь, жизнь и благополучие родных, имущество и (может быть) честь и достоинство. Далее можно предположить, что люди, вместо того чтобы сразу обмениваться товарами, сначала обговорят, что каждый из них обязан делать, а чего не делать никогда. Фактически это те самые десять заповедей, кодекс правил, которым они будут руководствоваться всякий раз, когда встретятся. В результате взаимозаменяемость благ в принципе уменьшается, но укрепляется порядок, так что оба лица могут от этого выиграть. Если же лиц больше, то процесс образования норм может конвергировать.

При использовании такого подхода для анализа экономической действительности выясняется, что человек быстро приспосабливается к

застывшему окружающему миру (гораздо быстрее, чем этот мир изменяется) и, как правило, из желания сотрудничать с другими людьми не ищет удовлетворения каких-либо потребностей с помощью непредусмотренных нормами действий. По сути, это проявление координации рынка посредством наличия и проявления внимания к ожиданиям других в виде использования деловых культур.

*С.С. Самандаров, д-р философии по экон. наукам, доцент
Институт экономики НАН Азербайджана (Баку, Азербайджан)*

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПРЕДМЕТЫ ПОЛЕМИКИ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В 20—30-е гг. XX в.

Назовем основные направления азербайджанской общественно-экономической мысли в 20-30-е гг. XX в.: 1) механистическое, 2) идеалистическое, 3) марксистско-ленинское (или ортодоксальное), 4) мировоззренческое, характерное для Азербайджанских эмигрантов. Зарождение и становление этих теоретических направлений было обусловлено прежде всего противоречиями переходного периода и в существенной степени — разногласиями между сторонниками различных направлений экономической мысли при решении основных теоретико-практических вопросов.

В Азербайджане главным представителем механистического направления был объявлен Ф. Рзабекли. В 1930-е гг. его доводы и теоретические рассуждения находили отклик в среде азербайджанской советской научно-педагогической интеллигенции. Он выступил автором ряда учебников. В частности, его учебником «Биология» пользовались практически все азербайджанские преподаватели. В то же время взгляды Ф. Рзабекли подвергались острой критике со стороны представителей ортодоксальной советской экономической мысли. В частности, 22 июня 1933 г. в республиканской газете «Коммунист» была напечатана разгромная статья автора Н. Фарзалибекова. Ортодоксов смущало, что Ф. Рзабекли не ставил границ между живым и материальным миром, сводя разницу между ними лишь к количественным изменениям. Он говорил о наличии особенных связей между частицами органического и неорганического мира, что дало повод обвинить его в отходе от диалектического материализма. Действительно, мысль Ф. Энгельса, что человека создал труд, Ф. Рзабекли дополнил уточнением, что орудия труда были созданы человеком, следовательно человек сам себе подобен.

Ранее, 29 сентября 1931 г., в той же газете «Коммунист» критиковались идеалистические позиции ряда общественных и научных деятелей: Деборина, Лоппола, Нагиева, Дж. Рахимова, М. Гасанова, Ширвандита. Их взгляды оценивались как меньшевистско-идеалистичес-